01.07.98

общая газета, - 1998, - 25 июля - 7 июля, - с. 10

Зачем расшифровали гения

На церемонии вручения премии «Слава/Gloria-98» была исполнена Девятая симфония Альфреда Шнитке

ТО, ЧТО жюри Международной премии «Слава/Gloria» в области музыкального искусства, возглавляемое Мстиславом Ростроповичем, решило присудить Гран-при, неофициально именуемое «за жизнь, отданную музыке», Альфреду Шнитке, не могло вызвать ничего, кроме благодарности за сделанный *вовремя* шаг. Однако, когда было объявлено о том, что на церемонии вручения «Глории» будет исполнена Девятая симфония Шнитке, написанная в 1997 году, многие музыканты-профессионалы попали в положение, в котором до раздвоения сознания рукой подать. С одной стороны, все знают, что Альфред Гарриевич уже несколько лет пребывает в состоянии здоровья, несовместимом с работой композитора и какой-либо активной деятельностью вообще. С другой – нас всеми силами стараются убедить в феноменальности ситуации, представив Шнитке как Павку Корчагина в конце книги Николая Островского. Вот цитата из пресс-релиза «Глории»: «Два года назад композитор перенес четвертый по счету инсульт. Сегодня он почти лишен движения и речи, но, несмотря на физическое бессилие, его уникальный творческий дух продолжает работать. В прошлом году композитор закончил работу над Девятой симфонией... Высокопарность, стремительно перерастающую в бестактность, можно было бы оставить на совести того, кто связал эти слова в единый текст, если бы за ней не стояло что-то гораздо большее. Когда кто-то из журналистов спросил жену композитора Ирину Шнитке о нынешнем бытии Альфреда Гарриевича, та ответила: «Сейчас он работает над камерным произведением». После этого всплывает вопрос: каким образом осуществляется и овещается теперешняя плодотворная композиторская работа Шнитке?

Верить заклинаниям о «духовной связи» и «инспирации духа», то тут, то там слышавшимся на пресс-конференции из уст вдохновителей проекта, – увольте: слишком часто ссылки

на высокие категории нематериального мира прикрывают нечто совсем иное. Несколько больше объясняли ситуацию слова Геннадия Рождественского: в случае с Девятой симфонией Шнитке мы имеем дело с расшифровкой нотного материала по почерку композитора. Это уже теплее; по крайней мере, есть о чем говорить. Расшифровка, реставрация и другие неавторские преобразования музыкальных текстов представляют собой особую область культуры, стоящую несколько в стороне от регулярной концертной жизни. Ни с огромной помпой исполненная реконструкция первой части Десятой симфонии Бетховена, ни дописанная Дерриком Куком Десятая же Густава Малера, ни многочисленные *законченные* варианты «Неоконченной симфонии» Шуберта (в свое время устраивался даже конкурс на ее завершение) не исполнялись более одного-двух раз, оставаясь в контексте музыкальной культуры западного мира в лучшем случае на правах любопытной маргиналии. Дело не только в художественных достоинствах указанныхopusов – никто ведь сегодня не обращает внимание на то, что «Князь Игорь» Бородина во многом принадлежит перу Глазунова, а вариантов «Бориса Годунова» существует целых три: Мусоргского, Римского-Корсакова и Шостаковича. Словосочетание «этический момент» мало что выражает, но в случае любого неавторского вмешательства в музыкальный текст именно он приобретает главенствующее значение. Тем более когда речь идет о сочинении *живого* автора, который не может не только в полной мере контролировать процесс его дальнейшего жития в культуре, но и участвовать в создании самой партитуры – расшифровка такого рода, насколько я понимаю, беспрецедентна для академической музыкальной культуры западного мира. И вопрос здесь уже не в том, какое отношение шумиха вокруг имени Шнитке имеет к его музыке (ответ очевиден), но в том, насколько текст, представленный Геннадием Рождественским, Мстиславом

Ростроповичем и женой композитора Ириной Шнитке в качестве Девятой симфонии, соотносим с предшествующей творческой жизнью нашего великого соотечественника и адекватен его нынешнему мироощущению. Почему, допустим, премьера на родине неизвестных российскому слушателю Седьмой или Восьмой симфоний Шнитке, чье происхождение не вызывает никаких вопросов, не показалось устраителям «Глории» событием столь же достойным, – непонятно.

Впрочем, кое-что понять можно. Мотивировка, позволившая искреннему в своих побуждениях (равно, наверное, как и в заблуждениях) Геннадию Рождественскому принять участие в проекте «Девятая симфония», представляется совершенно понятной и бескорыстной: выдающийся дирижер и музыкант высшего порядка как никто другой понимает, что значит сам факт наличия Девятой симфонии в списке произведений его давнего и близкого друга – такого же великого композитора, как Бетховен или Шуберт, написавшие именно девять симфоний. Более того, ему угодно, чтобы каждая нота, вышедшая из-под пера Шнитке, в том или ином виде прозвучала. Мотивы Мстислава Ростроповича тоже понятны: коль скоро премия «Глория», как без ложной скромности гласит пресс-релиз, «по своему авторитету и денежному выражению... признается специалистами самой престижной в мире и является в настоящий момент своеобразным аналогом Нобелевской премии» (неужели одного года достаточно, чтобы утверждать все это?), то любой ценой нужна и «Нобелевская лекция» в виде нового сочинения обладателя Гран-при. Меньшим перед ОНЭКСИМбанком за 250 тысяч долларов публично не отчитаться.

Однако вернемся к вопросу о расшифровке. Рождественский назвал журналистам главное препятствие в своей работе: «трудно разобрать почерк», и главное подспорье – «знание стиля композитора». Представив себе, что стало с не самым разборчивым даже в лучшие времена

нотным почерком Шнитке за время болезни, тут же с новой силой упираешься в тот самый «этический момент». Что же касается стиля композитора – слава Богу, на этот счет есть мнение самого Альфреда Шнитке: «Мое музыкальное развитие сходно с развитием некоторых коллег и друзей – от фортепианного романтизма, неоклассицистского академизма до эклектичного синтеза (Орф и Шенберг), затем я обратил внимание на очевидные преимущества определенного самоограничения. Прибыв же на конечную станцию, я решил покинуть столь переполненный поезд. И с тех пор стараюсь ходить пешком». При прослушивании Девятой симфонии не покидало ощущение, что Шнитке не совсем по своей воле вновь сел в тот же поезд – на этот раз битком набитый Альфредами Гарриевичами давно ушедших времен: «Такой техникой композиции Шнитке не пользуется уже лет 15; такого типа коллажи не свойственны его манере лет 20; а эти – еще больше...» Связь с популярной культурой, которую Шнитке прервал, прекратив писать прикладную музыку, также неожиданно восстановилась: во вторую часть включена фриджазовая импровизация на саксофоне в исполнении Алексея Козлова, а вся симфония завершается квазипсиходелическим проигрышем электрогитары. Воля ваша, но на симфонию – итогу пути – все это совсем не похоже.

Впрочем, даже музыкально-стилистические оценки можно оставить за скобками. На высказанные соображения можно выдвинуть сотню контраргументов, и все они будут иметь право на существование по одной причине: музыковедение – наука столь же запутанная, сколь, при особом на то желании, сервильная. Обратимся к другому факту – более красноречивому и самодостаточному. Вряд ли сам Шнитке, который, слава Богу, несмотря ни на что, с нами, санкционировал бы транслирование на большом экране своих фото- и видеоизображений во время мировой премьеры собственного симфонического сочи-

нения. Такая, с позволения сказать, *мультимедийщина* не только вредит восприятию аудиоторией данного музыкального текста (кажется, ничего похожего на внемзыкальные средства выразительности, подобные световой партитуре «Прометей» Скрябина, рукопись Девятой симфонии Шнитке не содержит), но и в корне искажает бытийные основы творчества его автора в целом. Гению Шнитке не свойственно акцентирование своего *эго*. Столь радикальное и намеренное отклонение от общепринятых норм соответствия происходящего на сцене тексту и замыслу композитора (или исполнителя) объяснимо лишь в одном случае: если осуществляется церемония публичного нецерковного поминовения по высшему разряду. Так музыканты в Концертном зале Чайковского провожали Святослава Рихтера в сентябре прошлого года на сороковой день после окончания его земного пути – с портретом Мастера на экране, под звуки прелюдии Шопена в его исполнении. Так же, получается, устроители «Глории» несколько дней назад *попрощали* нас всех с Альфредом Шнитке – но на этот раз против воли мира и Господа. Ход великолепен: нет человека – хотя бы в сознании тех, кто пришел на церемонию (а среди них были очень крупные и влиятельные люди), – нет и всех описанных выше *мелких* проблем. Все вопросы упираются в вечность, подымать их – «верх неуважения по отношению к...» К чему, кстати: неужели к *памяти*?

А Шнитке в тот день в Большом зале все-таки прозвучал – подлинная, гениальная музыка Шнитке. Но не вечером, а раньше, днем. Тогда начались прослушивания 2-го тура конкурса имени Чайковского у скрипачей, и наш Родион Замуруев великолепно сыграл Первую сонату и «A Paganini». Играл вдохновенно, не по-конкурсному, по манере немного напоминая Гидона Кремера, победителя Четвертого «Чайковского».

Юрий ВАСИЛЬЕВ

Шнитке Альфред